

МАГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ МИРА ЛИРИКИ НИКОЛАЯ ВОРОБЬЕВА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

**Василенко Г. В.
(Запорожье, Украина)**

В условиях глобализации современного мира возрастает интерес к этнокультурной самобытности. Литература бывших колоний становится полем научных исследований, творческих поисков и открытий. Лирическая поэзия – это тот вид искусства, что ярче всего отражает характер и духовные ценности народа, то есть представляет собой художественное отражение его картины мира. Система ценностных доминант культуры находит своеобразное воплощение в индивидуальной картине мира художника.

В переводоведческом исследовании художественных произведений отдельного автора целесообразно применить лингвокогнитивный подход, который осуществляется в направлении от индивидуального сознания к культуре, в то время как лингвокультурный – от культуры к индивидуальному сознанию [5, с. 32]. Это позволит проследить, как авторская концепция мировосприятия объективируется в другой культуре, пройдя через индивидуальное сознание переводчика.

Лингвокогнитивный подход к переводам поэзии нацелен на анализ образного воссоздания системы концептов автора. Система концептов автора определяется исходя из биографических данных, литературной критики и собственно его поэтических произведений на основе типологической классификации образов, которая включает три уровня: объектный (образы внешнего мира), субъектный (внутренний мир человека), выразительный (стилистические, формообразующие средства) [1, с. 140].

Цель данной работы заключается в том, чтобы на основе сопоставительного анализа определить особенности воссоздания образа мира украинского поэта Николая Воробьева в англоязычном воплощении.

Н. П. Воробьев – представитель Киевской школы поэтов, принадлежащий к так называемому поколению «семидесятников», которые положили начало

герметичной, эстетской линии в украинской поэзии [4, с. 78]. Критики отмечали трансцендентный характер его поэзии в бесконечности переходов одного явления в другое, называли его стихи «гениальным абсурдом», где практически отсутствует коллективный опыт, а присутствуют два фактора творчества: неповторимое художественное воображение автора и Вселенная [2, с. 7].

Англоязычный сборник переводов его стихов “Wild Dog Rose Moon” – “Місяць шипшини ” был издан в Канаде в 1992 году [7]. Переводы его стихов выполнила Мирося Стефанюк.

В основе мировосприятия Н. Воробьева заложены такие архетипы: четыре стихии мироздания, мировое дерево, образ младенца, образ сна, календарный цикл и другие. В создании объектного уровня присутствует природа и предметы сельского быта. Субъектный уровень образа мира автора пронизан философскими, экзистенциальными мотивами и включает следующие концепты: одиночество, грусть, радость, память, умиротворенность, взволнованность. Выразительный уровень образа составляют тропы (метафора, олицетворение, уподобление, сравнение, эпитет), стилистические фигуры (параллелизм, повтор, градация, эллипс), художественные приемы анимализма изображения. Характерной чертой поэтического письма этого автора является пренебрежение к абстрактным словам, употребление сенсорной и цветовой лексики, односоставных предложений.

Перейдем далее к анализу образа на макро- и микро-уровне и сосредоточимся на особенностях его воссоздания в переводе. Возьмем для начала стихотворение “Садова блакить” – “Orchard Blue”, в котором образы пространства воспринимаются, как единое живое существо. Куст пиона олицетворяется в образе ребенка, о приближении ночи сообщает темная нить сна, уподобленная в виде зверька или птицы. Лирический этюд передает впечатление приятной умиротворенности, гармонии природы и настроения лирического героя:

Тихо, ніби сохне білизна. // Білизну ворухить садова блакить. // У неї на пальчиках зелені нігтики трави. // Тихо. Дитина ворухить пуп'янком, // та цього дня ще не розквітне півонія. // З кубельця сну густого // сотається темна нитка, // і засина дитина, згубивши пальчики в траві. – A stillness. Like drying linens. // Linens riffled by orchard blue // with grass green fingertips. // A stillness. A child ruffles the bud // but today, the peony just won't open. // A dark thread ravel // out of a toy nest of dense dreams // and the child falls asleep // fingers lost in grass [7, с. 30-31].

При переводе первой строки употребляется членение предложения. Нарушение переводчицей грамматических норм – это стилистическое средство воссоздания художественного эффекта метафоры первоисточника. Слуховой образ тишины в форме абстрактного имени существительного, результат конверсии наречия оригинала, приобретает конкретику благодаря неопределенному артиклю. Сравнение выражено отдельным предложением с конверсией глагола в причастие. Переводческие средства в сильной позиции стихотворения актуализируют отсутствие динамики, усиливая экспрессию тишины и покоя. При воссоздании двух следующих строк имело место объединение двух предложений, синтаксическая компрессия с эллипсом вспомогательного глагола. Семантику слов с диминутивами в переводе отражает однословный эквивалент.

Образ еще не рожденного цветка в следующей части стихотворения воссоздано частичным калькированием с заменой глагола *розквітне* синонимическим эквивалентом *open*. При воспроизведении в переводе образа сна единственное число заменено множественным, что усиливает выразительность, а семантику ласковости в составе украинского *кубельце* выражено на лексическом уровне определением *a toy nest*. Последняя строка оригинала воссоздана в переводе двумя с целью компенсации деепричастного оборота и интонационной выразительности.

Пантеистическая черта украинского мировоззрения проходит лейтмотивом в творчестве автора и проявляется в том, что природа воспринимается живой,

разумной, говорящей и думающей. Его лирике свойственна та особенность народных песен, где цветы, зелье, птицы, вода, небо со звездами, месяцем и солнцем – все приравнивается к человеческой мысли, к горю и радости, к слезам и смеху [3, с. 121].

Выразительным контрастом предыдущему произведению будет стихотворение “Прогулянка в горах” – “Mountain Trip”, которое передает взволнованное, бодрое настроение, навеянное силами природы. В основе стихотворения циклическая метаморфоза дня и ночи, в которую вовлечены четыре стихии мироздания:

*Прогулянка в горах. Поздирана кора і шкіра. // Розгул сваволі, полоскання світла. // Дика троянда жмурами розквітла. // Дзвін неба над камінням. // Підйом, схід сонця – // над кожною дорогою той самий ритуал. // Ричання вітру! блукача побачив... // Погрітись час, спекти дві картоплини... // Гірська порода затряслась від сміху... // Вогонь ладнає вудку... Ще б трохи хмизу... // Цей корч – сідло добряче, а півень – // у воді червоний корінь... // **Розарій холоду рум'янить світ в очах, // позмінно камені блищать, // побачили округлий місяць – // нечутних оплесків гніздо.** – Mountain trip. Torn bark and skin. // Reckless abandon, the rinsing of light. // **A cascade of wild dog roses. // Rocks belled by sky.** // Ascent, sun-up, // down each road, a repeated ritual. // Bellowing wind! Saw a straggler... // Time to get warm, bake two potatoes... // The bedrock mountain rocks with laughter... // Fire suits the fishing pole, more kindling... // This shrub – a splendid saddle, the rooster – // a crimson root in water... // **The chill of roses reddens the air, // chameleon stones // spy the round moon – // a nest of mute applause** [7, с. 18-19].*

Объединенная и оживленная метафорой цепочка образов рисует яркую утреннюю картину в горах. Выразительности способствует воплощение образов в форме односоставных предложений и предложений с умолчанием. Первые шесть строк стихотворения передают шальную радость и восторг от единения с природой, динамику подъема в гору, что обозначилось употреблением экспрессивных эпитетов, сравнений и номинативных

предложений, которые лаконизмом формы и оборванной интонацией передают ритм шага при преодолении высоты.

Интерпретатор следует стилистике автора в стремлении воспроизвести эстетический эффект оригинала и употребляет прием полного или частичного калькирования при воссоздании микро-образов в их смысловом и формальном перевоплощении. Впечатляюще выглядит в переводе образ диких роз вследствие трансформации повествовательного полного предложения в номинативное предложение с импликацией сказуемого. Примененный прием органично вплетается в стилистику произведения и выделяет образ цветов, начиная изображение сравнением, что в переводе воссоздано стилистическим эквивалентом по аналогии формы и выражено универсализмом.

При воссоздании образов земли и неба вследствие смыслового развития пространственное направление «сверху вниз» сменилось противоположным, определяемым становится *каміння*, выраженное гиперонимом *rocks*, а небо, уподобленное колоколу, становится его определением.

Следующие шесть строк развертывания темы описывают пребывание человека в горах после подъема. Переживания лирического героя отражают необычные образы природы, воплощенные в формы предложений с умолчанием и выделенные графически многоточием. С особой выразительностью звучат предложения с эллипсом подлежащего, передавая живость движения и ощущение холодного ветра. Фрагмент заканчивается упоминанием о петухе, который в контексте произведения символизирует солнце и наступление нового дня.

Последние четыре строки завершают тему в замедленном ритме, феерическая драма природной метаморфозы затихает и заканчивается «лунными всплесками» в финальной строке. Переводческие трансформации завершающего фрагмента включают транспозицию компонентов эпитета, замену идиоматического выражения ситуативным соответствием, импликацию сем цвета и действия в выраженном универсализмом эпитете *chameleon*, замену стилистически нейтрального глагола стилистически маркированным, передачу

инвертированного эпитета прямым эквивалентом. Комплекс переводческих приемов способствует передаче художественного эффекта произведения в англоязычном звучании.

Медитативная лирика Н. Воробьева оказалась благоприятной почвой для реализации субъективного уровня авторского образа мира. Иллюстрацией данного тезиса может быть стихотворение “Бути – це знову ковзнути” – “To be”: *Бути – це знову ковзнути рукою об сніг. // Пам'ять про біле – мармурова колона у сірих // прожилках, // де жодного імені з того життя, // що вирувало в палаці. – To be – smoor a hand along the snow again. // White memories – a column marbled grey // no single name left from the palace swirl* [7, с. 64-65].

Философское осмысление проблем бытия изложено в двух предложениях, которые занимают пять строк в оригинале. Введение темы сопровождается ассоциативно богатым образом в сравнении: белый снег, словно лист бумаги, *tabula rasa*, человеческая жизнь изначально. Дальше цвет меняется и символизирует жизненный опыт – смесь доброго и злого, приятных событий и горьких разочарований.

Первая строка переведена по аналогии с первоисточником, а при переводе следующего предложения интерпретатор употребила импликацию компонентов содержания и бессоюзную связь, что сократило стихотворение на две строки. Компоненты содержания трансформировались вследствие смыслового развития: адъективное дополнение в винительном падеже приобрело номинативную форму во множественном числе; эпитеты образа колонны в постпозиции приносят оттенок торжественности, способствуя эстетизации образа; придаточное предложение стало эпитетом вследствие конверсии глагола в существительное и обстоятельства в определение.

Медитации лирического героя проходят в дороге, где образы прошлогодних листьев и зеленой травы воспринимаются, как связь прошлого и нынешнего. Дорога – символ судьбы, долготы жизни, но стремление быть собой обрекает человека на одиночество:

*Розсипані між торішнього листя каштани // потріскують у зеленім вогні.
// Я поминаю потемніле срібло калюж, // я ступаю на вологий хідник // із
пелюстками сутінку, // із синіми квітами в щілинах. // Бути... // Це
створювати нову реальність. // Це знову бути самотнім. – Chestnuts strewn
among last year's leaves // break in green fires. // I side-step black silver puddles //
onto a damp sidewalk // its petals of dusk, // blue flowers in cracks. // To be... // is to
make a new reality. // Alone again [7, с. 64-65].*

Компоненты содержания данного фрагмента воссозданы частичным калькированием. Краткая форма перевода последней строки выражает силу переживания и содержит итог размышлений о жизни. В переводе пятьдесят семь слов против шестидесяти в оригинале, что случается нечасто, учитывая лексико-грамматические свойства языка перевода. Импликация компонентов содержания и синтаксическая компрессия отразились в лаконизме формы в переводе и добавили поэтической изысканности.

В стихотворении “Не розмотуй мені” – “Don't Disentangle” екзистенціальні настроєння ґрунтуються на архетипі. Аллюзія к античному міфу актуалізується символами. Старуха-ворожея здесь нагадує давньогрецьких мойр, пряжа і нити символізують долю і життя, весна і зима – юність і зрілість: “Не розмотуй мені // тих ниток, // що слухняна зима наставала... // Тільки ти розмотай, // що весна насотала... ” – // баба каже мені – // а я хіба чую? // А це якось проснувся // і почув – // білу пряжу зими. – “Don't disentangle // that **wool** // the **warp** of surville **winter**... // **Unwind** only spring's **woof**...” // the old **woman warns me** – // so do I listen? // I doze / and hear – // **winter's white web** [7, с. 26-27].

При переведенні стихотворення застосована синтаксическа компресія в формі бессоюзної зв'язи і еліпса двох місцеименних доповнень. Визначальні придаточні речення оригіналу трансформувалися в епітети. Ключовий образ нитей, символ долі, конкретизований в переводі гіпонімом *wool* (шерсть). Він набуває предметну визначеність і конкретизацію в визначених словах епітетів *the warp* (основа ткани) і *woof*

(уток, ткань), что стало результатом номинализации глагольных форм придаточных предложений.

При воссоздании образа в последней строке используется стилистическая аналогия с трансформацией генитивной формы определения в номинативную. Замена стилистически нейтрального глагола *каже* стилистическим эквивалентом *warns* вносит оттенок драматизма и таинственности, конкретизируя смысл. Глагол *проснувся* заменен близким по значению и контекстуально уместным *doze*. Организация образа обусловила выбор эквивалентов таким образом, что в англоязычной версии его звуковая сторона стала выразительнее. Аллитерация согласного **w**, императивные формы производят впечатление магического заговаривания или заклинания.

В стихах Николая Воробьева, что отражают календарный миф, обычно возникает образ птицы, чаще петуха. Птицы в мифологии многих народов – это творцы мироздания. В украинской мифологии птицу часто сравнивают с солнцем и огнем [6, с. 298]. В стихотворении “Птах” – “The Bird” – это символ солнца, его угасания и возрождения:

*Квіти червоні гасить, // клітку блискучу // поміж гілок ховає, // дзеркало
б'є стрілою – // рідною сестрою... – He snuffs red flowers, // **buries the brass cage**
// in the **branches**, // **breaks the mirror with an arrow** – // his sister... [7, с. 38-39].*

Олицетворению образа волшебной птицы в переводе способствует употребление личного местоимения. Светоцветовой эпитет *клітку блискучу* выражен стилистическим эквивалентом *brass cage*, который в контексте произведения эстетически выделяет зрительную и звуковую стороны образа. Аллитерация согласных **b-r** в переводе добавляет ноту драматизма динамической картине природных превращений.

Птицы соединяют мир земной и небесный, а также символизируют стихию воздуха, который легкий и может проникать кругом. Эту черту отражает вторая строфа стихотворения: *Тулиться оком до прохолоди шепоту, // мох вирує в дібровах, // дикий білястий пісок // пересипає намарне – // поранений птах*

*умирає... – Leans **his cheek on shadow whispers** // rips out mosses in **valleys** // shifts the pale unruly sand // in vain – // the wounded bird // is dying...* [7, с. 38-39].

В переводе воссоздана художественная синестезия с качественной и количественной трансформацией её составляющих. При переводе второй строки М. Стефанюк употребила плюрализацию компонента образа и заменила пространственный элемент окказиональным соответствием, что качественно изменило особенность пейзажа и пространственную отнесенность образа. Перевод может воздействовать на внутреннюю форму макрообраза (уровень стихотворного текста), трансформируясь на микрообразном уровне, и генерировать новые смысловые и эстетические нюансы.

Эмоционально трогательными выглядят лирические миниатюры автора с оживлёнными метафорой образами. Так, цветок олицетворяет женский образ, хотя может возникать впечатление обратного сравнения:

Затулила обличчя руками, // біла квітка між двох листків, // плачеш... // В мовчанні весняної ночі // краплини на листі блищать... – You hold your face in your palms, // white flower between two leaves, // and cry... // In the silence of a spring night // drops glisten on leaves... [7, с. 82-83].

Лаконизмом и утонченностью стихотворение напоминает образцы восточной поэзии. Ощущается гармония мировосприятия, когда вызванная образом цветка взволнованность лирического героя уравнивается молчаливым спокойствием ночи. Компоненты образа воссозданы калькированием, что кажется единственно верным способом для перевода этого стихотворения.

Анимализм изображения – характерная черта стихотворений Н. Воробьева из детского цикла. Рассмотрим дальше параллельные тексты произведения, в котором натюрморт из бытовых предметов «оживает» и создает сказочный сюжет: *Хата настовбурчила **вуха** – // квіти **слухає**. // На ній метелики ночують, // а цвіркуни їм спати не дають. // На лаві глечики синіють, // відро кахикає в кутку, // хтось воду п'є, // комусь не спиться. – The house pricks its **ears** // and **hears** flowers. // **Butterflies bed down there** // **crickets keep them awake.** //*

*On the bench, small jugs turn blue, // a pail coughs in a corner, // **someone** sips water // **someone** sleepless* [7, с. 74-75].

Анимализм изображения в переводе передает впечатление оригинала благодаря удачно подобранным глагольным соответствиям, которые воссоздают сказочную динамику образов и вместе с другими средствами способствуют из звуковой выразительности. Трансформация глагольной формы в адъективную в финальной строке, лаконизм и звукопись усиливают эстетический эффект.

Таким образом, воссоздание стилевой функции метафоры, универсальных архетипов, украинских символов, синтаксических доминант, калькирование микрообразов ассоциативной поэтики автора легло в основу интерпретации образа мира украинского поэта в англоязычном исполнении.

Магический образ мира Н. Воробьева – это живописный, неразгаданный край с языческим восприятием мира. Его лирический герой воплощает индивидуализм, сильную эмоциональность, интуитивное понимание и драматическое переживание явлений постоянно меняющегося мира.

Литература

1. Літературознавча енциклопедія: у двох т.: [авт.-уклад. Ю.І. Ковалів]. – К.: ВЦ “Академія”, 2007 – (Енциклопедія ерудита). – Т. 2. – 2007. – 624 с
2. Моренець В. Хранитель променів і ожини (Про Миколу Воробйова) / Володимир Моренець // Воробйов М.П. Слуга півонії. – К.: Вид. центр “Просвіта”, 2003. – С. 7 – 9.
3. Нечуй-Левицький І. Світогляд українського народу. Ескіз української міфології / Іван Нечуй-Левицький. – К.: Обереги, 2003. – 144 с.
4. Пахльовська О. Є.-Я. Українська літературна цивілізація: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня докт. філол. наук: спец. 10.01.01 “Українська література” / О. Є.-Я. Пахльовська. – К., 2000. – 96 с.
5. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта / Прохоров Ю. Е. – М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2004. – 204 с.
6. Сто найвідоміших образів української міфології / [Завадська В., Музиченко Я., Таланчук О., Шалак О.]. – К.: Орфей, 2002. – 448 с. – (100 найвідоміших).
7. Vorobyov Mykola. Wild Dog Rose Moon / Mykola Vorobyov. – [transl. by Myrosia Stefaniuk]. – Canada, Toronto, Ont.: Exile Editions Ltd, 1992. – 101 p.